
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2(470)

ББК 66.3(2),0

Ж 15

З.А. Жаде,

доктор политических наук, профессор Адыгейского государственного университета, зав. кафедрой теории государства и права и политологии, тел. (8772) 52-48-82; (8772) 59-39-62, E-mail: sura@radnet.ru

С.М. Уджуху,

старший преподаватель кафедры теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, E-mail: susa100@mail.ru

Феномен протестной идентичности в современном российском обществе (Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются протестная идентичность в качестве составляющей политической идентичности россиян в условиях идентификационного поиска. Исходя из анализа протестного поведения и роста протестных настроений в российском обществе, выявляются особенности протестной идентичности как сложного реального феномена и политического конструкта.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, идентификационный кризис, политическая идентичность, протестная идентичность, протестное поведение, протестный потенциал.

З.А. Жаде,

доктор политических наук, профессор Адыгейского государственного университета, зав. кафедрой теории государства и права и политологии, тел. (8772) 52-48-82; (8772) 59-39-62, E-mail: sura@radnet.ru

С.М. Уджуху,

старший преподаватель кафедры теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, E-mail: susa100@mail.ru

Феномен протестной идентичности в современном российском обществе (Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются протестная идентичность в качестве составляющей политической идентичности россиян в условиях идентификационного поиска. Исходя из анализа протестного поведения и роста протестных настроений в российском обществе, выявляются особенности протестной идентичности как сложного реального феномена и политического конструкта.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, идентификационный кризис, политическая идентичность, протестная идентичность, протестное поведение, протестный потенциал.

Формирование политической идентичности является основополагающим фактором, определяющим стратегию модернизации российской государственности. Важным в данном контексте является анализ напряжений и конфликтов, связанных с «коллизиями идентичностей» и распадом идентичности на ряд множественных градаций. В данной ситуации механизмы формирования и поддержания идентичности приобретают максимальную вариативность, в результате чего они становятся более сложными и неоднозначными, провоцируют возникновение кризисов и парадоксов, а также рост протестных настроений в обществе.

Рассуждая о проблеме идентификационного поиска в современном российском обществе, следует оценить ситуацию с характеристиками протестной активности населения по ряду направлений. Это различные формы публичных выступлений, нацеленные на изменение социальной политики правительства, это создание социальных сетей как одной из наиболее действенных форм общественной самоорганизации граждан, в том числе в ходе подготовки и проведения муниципальных выборов. Это, наконец, самые различные формы и методы гражданской самоорганизации по месту жительства. Нельзя не упомянуть и об отмеченном многими наблюдателями и СМИ всплеске общественной активности в период летних пожаров 2010 г., направленной как на тушение этих пожаров, так и на различные виды помощи «погорельцам». Относительно широкий резонанс получили акции «синие ведерки» (против «мигалок»), протесты против строительства газпромовского небоскреба в Санкт-Петербурге, акции в защиту химкинского леса и целый ряд других им подобных проявлений гражданской активности, о чем, в частности, подробно пишет С.П. Перегудов [1].

Проводимые в последние годы социологические опросы и основанные на них исследования констатируют рост протестных настроений в российском обществе. Так, мониторинг протестных настроений, традиционный для исследо-

ваний Фонда «Общественное мнение», подтверждает сохранение тенденции увеличения протестного потенциала [2]. По данным всероссийских исследований, проведенных в 2011 г., процент неудовлетворенности результатами государственной политики растет, то есть обозначается потенциал протестного движения как одна из форм выражения собственных интересов. Серьезные затруднения материального характера, отсутствие возможности улучшить свой уровень жизни и недовольство действительностью способствуют активизации протестного потенциала населения.

Традиционно репертуар протестной активности в России, по мнению И. Бунина, включает следующие виды протеста, с которыми власть «работает», выстраивает некую тактику, меняет законодательство: протесты системной оппозиции; деятельность внепарламентской политической оппозиции, которая не допускается властной элитой к участию в легитимном политическом процессе; третий вид протеста возникает локально, стихийно и направлен против конкретного решения власти [3].

Как отмечают социологи, изучающие общественное мнение, характерное для России социальное неравенство оказывает драматическое воздействие на социально-психологическое состояние общества, порождает острое чувство неудовлетворенности своим положением. При этом они подчеркивают, что чувство это носит ценностно-мировоззренческий характер, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом. Все сказанное выше дает основание полагать, что существует достаточно обширное пространство для вызревания и укоренения протестных настроений.

Однако, если исходить из реалий сегодняшнего дня, в условиях модернизации России произошли определенные изменения в мотивации не столько протестного поведения, то есть вовлеченности граждан в различные формы протестной активности, сколько про-

тестных ожиданий и настроений. Протест всегда предполагает солидарность — переживание общности проблем и устремлений. Солидарность, однако, рождается не просто из отрицания, неприятия существующего положения вещей. Помимо осознания собственного неблагополучия необходимо осознание того, что благополучие кого-то другого базируется на твоём неблагополучии. Протест, таким образом, получает свою предметную и объектную определенность и направленность. На наш взгляд, происходящие изменения затрагивают оба этих компонента протестного потенциала, под которым понимается намерение или склонность граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях.

Можно утверждать, что российское общество сегодня получает возможность принципиальным образом изменить институт протестной активности. Прежде протестные акции были продиктованы социальными проблемами, выступали в качестве канала для сбрасывания негативного подъема и были почвой для манипуляций общественными настроениями. Сегодня в обществе формируется социальный заказ на возможности эффективного и цивилизованного протеста, что, однако, предполагает и встречный запрос к российским гражданам — требование инициативы и солидарности.

Для российской протестной политики, в отличие от западной, характерна консолидация и структуризация протеста не по социальным классам (студенты, рабочие, пенсионеры, мелкие бизнесмены и т.п.), а через субъективное мнение, поддерживаемое близкими социальными связями: в принципе, «марши несогласных» и «дни гнева» открыты для всех, кто разделяет соответствующие убеждения, однако их реальное заполнение во многом обеспечено тем, как эти убеждения и мнения поддерживаются связями знакомств и образом жизни, выступая в качестве инструментов культурной коммуникации. Участник протеста исходит из своего социального статуса, он должен осознать необходимость протеста, в чем

его ориентирует ближайшее социальное окружение. В итоге, протест — это определенный способ идентификации в условиях кризиса идентичности, «снятие» которого осуществляется путем самоорганизации сообществ и ассоциаций, строящихся на идентичности сопротивления, и именно для них характерны протестные настроения. Протест требует поиска и идентификации с убеждением или группой, построения личной идентичности. По сути, протест выполняет функцию создания коллективных идентичностей, которые должны демонстрировать себя в публичном пространстве. Исходя из этого, к сущностным признакам протеста следует отнести ориентацию на другого, публичность и групповую идентификацию.

Обращение к этой теме тесно связано с проблемой протестной идентичности, под которой следует понимать ощущение принадлежности к группе, негодование которой разделяется и оправдывается, а также уверенность в способности устранить причину этого негодования посредством коллективных действий; другими словами, противопоставление всему тому, что имеет отношение к современному государству. Выход определенных идентичностей на передний план, то есть, в сущности, формирование протестной идентичности, представляет собой весьма непростую задачу. Важным контекстом, обусловившим этот процесс, является гражданское самосознание. Оно у россиян, как отмечают исследователи, «остается противоречивым», проявляется «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» [4].

С понятием «протестная идентичность» сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, оно стало общеупотребимым и используется в публицистике, журналистике, выступлениях политиков, к нему обращаются представители различных гуманитарных наук. С другой стороны, его практически невозможно встретить в словарях, справочных изданиях и в

учебных пособиях, нет работ, посвященных анализу данного понятия, не определен его категориальный статус.

В силу отмеченного выше, необходимо подчеркнуть, что отсутствие трактовок «протестной идентичности» требует самостоятельного рассмотрения ее сущности, установления терминологической определенности, а нарастающая частота использования термина подтверждает практическую потребность в этом.

В целях понимания сущности протестной идентичности необходимо еще раз остановиться на вопросе о том, что такое идентичность. В первую очередь, следует отметить, что понятие идентичности, как и многие понятия политической науки, имеет множество разных определений, в зависимости от особенностей дисциплинарного и концептуального подходов. Интересующее нас измерение предполагает понимание идентичности как самоидентификации с определенным политическим и социокультурным сообществом.

Исследования по данной проблематике показывают, что идентичность является открытой системой, вступающей во взаимодействие с различными видами идентичности. Именно эта характерологическая особенность позволила ей приобрести множественный характер в современном мире. Идентичность следует рассматривать как объемный, многогранный и собирательный концепт, вбирающий в себя содержание множества разных идентичностей [5].

Понятие «идентичность» обладает определенным методологическим потенциалом для научного анализа современного российского общества, переживающего период модернизации, период «кризиса и смены идентичностей». На смену стандартизации приходит многообразие и плюрализм, что порождает сложные соотношения составляющих элементов, идет процесс децентрализации структурных связей, создающий новые связи и расширяющий поля параметров духовности. Поворот к «многомерному человеку» — новому типу человека эпохи социокультурных изменений, становится основанием для

возникновения новых форм идентичностей, к которым следует отнести и протестную идентичность.

Понятие протестной идентичности, прочно вошедшее в политический лексикон, продолжает оставаться дискуссионным как в российской, так и западной политической теории. В аспекте данной темы продуктивно обратиться к предложенной американским политологом Джеком Голдстоуном теории революции четвертого поколения, согласно которой протестная идентичность, как чувство привязанности и преданности к протестной группе, имеет в своей основе три источника [6]. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимирует недовольство отдельных лиц, вызванное существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды, либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добиваясь перемен, наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность. В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом, либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности. В сущности, именно из-за того, что протестная группа выполняет эти функции так, как не удастся государству, или по видимости лучше, чем государство, индивидуумы готовы обменять свою верность государству на верность протестной группе.

Из сказанного видно, что неотъемлемой частью протестной идентичности является «борьба за признание». Идентичность есть всегда притязание

на признание со стороны других, как индивидов, так и институтов, что особенно значимо в ситуации социального плюрализма и фрагментации общества. Очевидно, что такая борьба особенно важна для протестной идентичности.

Для описания и анализа процессов конструирования протестной идентичности подходит модель классификации способов построения идентичностей, сформулированная американским социологом Мануэлем Кастельсом и предлагающая деление на легитимирующую (узаконивающая) идентичность (*legitimizing identity*), идентичность сопротивления (протестная) (*resistance identity*) и проектирующую идентичность (идентичность, устремленная в будущее) (*identity for resistance*) [7].

Согласно этой классификации, легитимирующая идентичность проводится доминирующими общественными институтами для расширения и рационализации своего доминирования; идентичность сопротивления направлена против основной тенденции развития современного общества — глобализации и «производится» теми социальными акторами, которые находятся в положении или в условиях, обесцененных логикой и характером узаконенного в данном обществе доминирования; проектирующая же идентичность представляет собой конструирование социальными акторами на основе доступного им культурного материала новых идентичностей, которые переопределяют их общественные позиции и положение в обществе и благодаря этому способствуют изменению социальной структуры.

М. Кастельс утверждает, что в отличие от эпохи модерна, когда проектирующая идентичность аккумулировалась деятельностью гражданского общества, сегодня ее многообразные формы определяются стратегиями протеста. То есть, если раньше основанием и питательной средой для проектирующих идентичностей были главным образом легитимирующие идентичности, то теперь эту функцию выполняют идентичности протеста.

Важной чертой сообществ, осно-

ванных на протестной идентичности, является минимальная включенность в структуры гражданского общества и их, в большей части, протестный характер. Однако, в перспективе, часть из этих сообществ от сопротивления сможет перейти к идентичности, устремленной в будущее, и тем самым будет способна создать нечто подобное новому гражданскому обществу и новому государству. Новая идентичность, устремленная в будущее, отмечает М. Кастельс, возникает не из былой идентичности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития современной протестной идентичности.

М. Кастельс выделяет основные группы сообществ, которые, по его мнению, могут через протестную идентичность перейти к идентичности, устремленной в будущее, и тем самым способствовать преобразованию общества в целом с одновременным сохранением ценностей протеста. Это, прежде всего, религиозные, национальные и территориальные сообщества. Ученый подчеркивает необходимость учета этнического фактора, который выступает в качестве важного компонента, как угнетения, так и освобождения и привлекается в поддержку других форм идентичности сообществ.

Уровень обобщения, достигнутый в концепциях Д. Голдстоуна и М. Кастельса, помогает выработать определенную методологическую базу исследования, позволяющую интерпретировать обоснованность и значимость концепта протестной идентичности.

Выявляя особенности протестной идентичности как сложного реального феномена и политического конструкта, можно охарактеризовать ее как идентичность определенного сообщества, целью которого является изменение общественных установок и традиционных норм, противопоставление им своих собственно выработанных ценностей. Следует заметить, что поиск идентичности осуществляется путем самоорганизации. Протестная идентичность выступает результатом естественной реакции на разрушение связей с

традиционной общностью, проникновение «чуждых» идей, ценностей и моделей поведения, что, в конечном счете, позволяет активизировать самосознание, а также служит важным регулятором сознания и поведения личности и социальных групп. Содержанием такой идентичности является не сам факт принадлежности, не просто осознание себя «частью» и пребывание в «целом», она задает определенное, отличное от других, политическое поведение. К ее основным характерологическим признакам следует отнести специфичность, уникальность, устойчивость/изменчивость, позитивную/негативную ценностно-эмоциональную окраску, степень распространенности в обществе.

Признание протеста неотъемлемой частью жизни современных обществ позволяет утверждать, что политическое развитие России не только происходит в русле сложившейся тенденции, но и является собой особенно яркий ее пример. В период кардинальных трансформаций идентичность россиян подверглась мощному воздействию изменяющихся приоритетов и ценностей. Переход к открытости обусловил ее максимальную подверженность влияниям извне. Российское общество стало представлять собой новую реальность, сформировавшуюся за годы реформ. В этих условиях политическая идентичность россиян осуществила своего рода скачок в плане преобразования своего содержания и форм проявления. Переход от знакомого образа жизни к неясным отношениям постсоветского периода сказался на возникновении взаимоисключающих тенденций в развитии политической идентичности, что вылилось в формирование ее протестной составляющей.

Круг политических идентичностей самый широкий. Это может быть принадлежность к определенной партии, движению, акции общественного неповиновения, в конце концов — революционному процессу. В этих случаях человек оказывается соответственно «партийным активистом», «человеком с активной гражданской позицией»,

«представителем протестных слоев населения», «революционером». Уже данные примеры показывают, что от той или иной политической идентичности зависит уровень и формы политического участия. Важно также и то, что именно с помощью политической идентичности индивид или группа становится субъектом политических отношений и процессов. Чтобы стать полноценным субъектом политического процесса, необходимо занять определенную позицию, взять на себя ту или иную роль, коротко говоря — «определиться».

Не развивая эту тему дальше, отметим лишь, что политическая активность россиян, обуславливающая неопределенность и несформированность их протестной идентичности, порождена не просто «стечением обстоятельств», но в значительной мере обусловлена общими факторами, связанными с функционированием существующей политической системы.

Современная протестная идентичность россиян еще не сформировалась в виде целостной и логически непротиворечивой системы. Ее эволюция сопровождается конфликтными и кризисными явлениями, которые, в свою очередь, провоцируют возникновение протеста. Причинами низких темпов снижения протестных настроений является возрастающая дифференциация населения по уровню доходов, а также неудовлетворенность многих слоев населения решением социальных проблем.

Есть все основания полагать, что утверждение протестной идентичности есть необходимое условие, которое позволит совместно решить действительно серьезные проблемы нашей страны, как, впрочем, и мира в целом. Растущая российская протестная идентичность заставляет задуматься людей о справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей. Регулирование протестной идентичности в России в направлении ее оптимизации возможно при условии комплексного, междисциплинарного подхода к анализу политических идентичностей россиян, которые возникают в процессе модернизации российского общества.

Примечания:

1. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского общества // Полис. 2011. №3. С. 157.
2. Протестный потенциал и протестная активность. URL: http://bd.fom.ru/cat/socium/act_ag/protest
3. Бунин И. Новые и старые формы протеста и стратегия власти. URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=10154>
4. Горшков М.К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. №1. С. 177.
5. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. М.; Майкоп: Качество, 2010. С. 23.
6. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. №5. С. 75-76.
7. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 2004. P. 6-7.

References:

1. Peregudov S.P. National and state identity and consolidation problems of the Russian society // Policy. 2011. №3. P. 157.
2. Protest potential and protest activity. URL: http://bd.fom.ru/cat/socium/act_ag/protest
3. Bunin I. New and old forms of protest and power strategy. URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=10154>
4. Gorshkov M.K. The Russian identity in the conditions of transforming processes // Bulletin of the Russian nation. 2008. №1. P. 177.
5. The Russian identity in the North Caucasus / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyausheva, A. Shadzhe. M.; Maikop: Kachestvo, 2010. P. 23.
6. Goldstone D.K. On the revolution theory of the fourth generation // Logos. 2006. №5. P. 75-76.
7. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 2004. P. 6-7.